

Диспут о профессии

Валерий Федоров: Ну а теперь я хотел бы передать слово Игорю Задорину, который расскажет о тех награждениях, которые ждут нас через год. Маленькое предисловие: два года назад мы с Ларисой Палтовой и еще рядом коллег, по-моему, три уже года назад, да, побывали в Америке, в стране за океаном и у нас была очень такая насыщенная поездка. Две недели нас водили по исследовательским компаниям разнообразным или по исследователям персональным, которые себя с никакой компанией не ассоциируют. И у всех буквально в кабинетах, в рабочих, мы находили статуэтки, дипломы, и какие-то другие признаки, атрибуты в виде почестей, которые они, ну о скелетах не будем, в другой раз поговорим о скелетах, в общем, разнообразные знаки отличия. Причём профессионального отличия. Вот. Это, конечно, запомнилось, а потом как всё получилось, что последние три года я непрерывно на разнообразных тусовках выступаю и вручаю тоже знаки отличия. То лучшему менеджеру, то лучшему пиарщику, то еще лучшему кому-то. И каждый раз возникает мысль, если эти профессиональные сообщества, которые, конечно, ничем не лучше нашего посчитали необходимым вот такой институт создать, то, что же с нами. Почему мы отстаём. Неужели нам это не нужно. Это был такой первичный импульс, после которого многое закрутилось, о чём вот расскажет уже Игорь Задорин.

Игорь Задорин: Спасибо большое. Ну, тут некоторое дежавю, наверняка должно посетить многих. Потому что ровно год назад на такой же дружественной конференции было предварительно объявлено о том, что мы всё-таки приступаем к разработке положения об индустриальной премии, которая должна стать таким социологическим Оскаром в отрасли индустриальной социологии. Социологии прикладной, коммерчески ориентированной. И ориентированной на подготовку некоторых материалов для управленцев. Вот в этой отрасли социологических и маркетинговых бизнес исследований явно не хватало такого института признания, которым могла бы наше сообщество каким-то образом отмечать, так скажем, выдающихся коллег. Здесь было два таких затыка. Во-первых, первая сложность при разработке этого положения, у любого такого института должен быть некий субъект. Как правило, этим субъектом является некая профессиональная ассоциация. Надо сказать, что российское профессиональное сообщество в этом смысле такое недостаточно разнообразное, ассоциаций у нас много, но ни одна из них никак не претендует на то, чтобы стать абсолютным таким единственным возможным субъектом для всех отдельных сегментов этого профессионального сообщества. И, в конце концов, было принято решение, некоторым образом компромиссное, у нас появился оргкомитет Российской исследовательской недели. Которую, в некотором роде, как раз и объединяет очень многих представителей самых разных ассоциаций. И даже частично заходят и вузовские и академические социологи. А тем более нам законодатель вдруг неожиданно предоставил такой подарок. Оказывается, есть такой статус некоммерческой организации без образования юридического лица. Вот мы решили, значит, замечательным образом, сделать оргкомитет как раз таким субъектом, компромиссным субъектом, субъектом присуждения индустриальной премии. Для этого оргкомитета разработано положение, которое будет вывешено в ближайшее время на публичное обсуждение. Короткое публичное обсуждение. Почему, потому что предполагается, что, уже где-то начиная там с мая, условно говоря, начнется отсчёт времени и возможности подачи некоторых заявок на присуждение премии. Каких заявок? Это второй важный аспект, и я на это заканчиваю. Важнейшим вопросом было «кого и за что награждать». В этой связи естественно мы рассмотрели самые разные варианты, вот есть тот же самый пресловутый Оскар, где награждаются продукты и соответственно присуждается некоторая ассоциация от академии, то есть от профессионального сообщества. И мы тоже думали, вот кого. Компании, конкретных персон или те самые продукты. Наш рынок, к сожалению, всё-таки довольно закрытый. И надо признаться тому, что, к сожалению, профессиональное сообщество само себя, точнее продукты своих коллег оценить с трудом может, потому что большинство продуктов, которые мы производим, является собственностью заказчика. На 90% и не публично. Так вот всё-таки решено награждать за публичные проекты. Те, которые можно открыть. И

соответственно эти публичные проекты выдвигаются исследовательскими компаниями как некоторые предложения на конкурс. И этот конкурс всегда будет проходить в первые месяцы года и, соответственно, на следующей неделе, на следующей российской исследовательской неделе, которая будет в марте 20 года, 10-я юбилейная дружественная конференция, может быть, даже откроется, и частично будет включать в себя первое награждение тех самых проектов, которые будут рассмотрены жюри конкурса в первые месяцы, в январе /феврале следующего года. Второй аспект, важный, это создание того самого экспертного жюри. Вот это будет процесс ближайших там месяцев летних и так далее. В котором тоже предлагается поучаствовать всем коллегам. Ну, я кратенько, чтобы не задерживать, это самое острое.

Валерий Федоров: А Мы приглашаем нашего модератора, Наталью Мандрову, агентство «Примо Мобили». К исследованию отношение имеет, но опосредованное, а не прямое. Поэтому может выступать беспристрастным арбитром. Передаю вам микрофон.

Наталья Мандрова: Спасибо большое. Когда готовилась исследовательская неделя, между Валерием и Игорем возникла дискуссия, относительно места социологов в процессе социального проектирования, социальных технологий, социальной инженерии. Кто успел почитать, что они сказали друг другу, поднимите, пожалуйста, руку. Отлично, отлично. А кто социологи в этом зале. А кто себя считает социальным технологом и социальным инженером. Не очень много, но есть. Отлично. Я вкратце скажу, как будет происходить наша сегодняшняя дискуссия, поскольку многие не почитали, что господа сказали друг другу. Игорь отвлекается. Сейчас мы дадим возможность нашим полемистам высказаться. Высказаться Игорю, у него будет 10 минут. И выскажется Валерий. Вот я призываю вас очень внимательно слушать, что они скажут, потому что потом мы с вами точно так же проголосуем, поднимем руки, и сможем понять, в зале какая точка зрения людям ближе. После этого мы дадим возможность задать один, очень важный вопрос Валерию Игорю, Игорю Валерию. И после этого у одного из вас будет возможность задать вопрос Валерию, но это должен быть человек, которому симпатична позиция Игоря. А человек, которому симпатична позиция Валерия, задаст вопрос. Игорю. А потом всё поменяется, и те, кто симпатизирует позиции Игоря, добавит свои аргументы его позиции. А тот, кто симпатизирует Валерию, добавит свои позиции ему. И так у вас с нами сложится дискуссия. Обращаю ваше внимание, у нас есть канал в телеграмме, он называется Research week. На него надо подписаться, потому что в этом канале будет послесловие, я надеюсь, возможно, господа что-то заходят ещё сказать, вдруг придет какая-то мысль. И я уверена, что, наверняка, у многих из вас будет желание высказаться, но, поскольку у нас всего лишь час и мы не можем дать слово каждому, тут есть специальные люди, к ним можно будет подойти, они запишут ваше высказывание и его опубликуют. Ну что, я предлагаю начинать. И первое слово я предлагаю, даём слово Игорю. Игорь, извини, пожалуйста, коллеги, вопрос острый, и тот и другой наш оппонент считает, что заказчик требует от социолога ответов. Что делать дальше, когда он видит данные социологических исследований. Социолог может сказать – это не моя зона ответственности, это не в моей компетенции и пригласить социального технолога. А может сказать, ну давайте поговорим. Соответственно у нас вопрос не теряет свою социальную идентичность, не размываются его социальные ценности. А, если он остается в позиции социолога, то насколько полезны те советы и рекомендации, которые он может дать своему заказчику. Игорь, тебе слово, 10 минут.

Игорь Задорин: Спасибо большое. Я бы так точно не сформулировал как Наталья, спасибо ей большое. Я, конечно, отчасти повторюсь, извините, пожалуйста, всё-таки у нас там были предварительные интервью, и мы в некотором роде свою позицию изложили. Собственно основной вопрос формулируется таким образом: действительно ли социологам надо совмещать в себе две разные профессии. Мы с Валерием Валерьевичем, в общем-то, согласились заранее, заочно с тем, что это всё-таки две разные профессии. Две разные компетенции. И социальную инженерию, я тут пытался написать, но не удалось, понимаем следующим образом. Специальная

инженерия – это деятельность по разработке инструментов и технологий социальных изменений. Или в широком смысле технологий социального управления. Так же ещё сопровождение соответствующих внедрений этих технологий в жизнь, в социальную практику. То есть разработка инструментов и технологий. Я бы хотел начать с того, что очень быстро, буквально на минуту напомним один слайд из прошлогодней конференции, тогда, когда у нас была специальная секция по тому, а что такое вообще социолог, рефлексия профессиональная была. Я тогда продемонстрировал такую как бы конструкцию о том, что для внешнего наблюдателя очень часто путаются три профессиональные позиции. Социолог учёный, социолог прикладник, то есть тот, который работает на управленца и такой социальный активист, которой еще и не только может исследовать, что-то разрабатывать, но непосредственно ещё и изменять саму социальную действительность. Не только её измерять, но и изменять. И у меня собственно логика заключалась, что на мой взгляд, это не просто разные профессии, а их совмещение имеет очень серьезные ограничения, в том числе этического характера, и я уже многие годы стою на том, что вообще-то говоря это совмещение неправильно. Почему? Теперь вот собственно аргументы почему, на мой взгляд, они не правильные. Здесь есть несколько барьеров очень важных, по поводу совмещения позиций, например там исследователя и того самого социального инженера, социального активиста. Первое – это квалификационные ограничения. Мы отлично понимаем, что конфиденция исследователя, которая предполагает знания очень многих аспектов, связанных с объектом управления, то есть изучению его. Связанная с тем, что он должен понимать методы исследования этого. Первое – квалификационные ограничения. Вот социолог, который должен и как говорится, век живи век учись, овладевает очень многими знаниями и компетенциями, и навыками, связанными как раз с исследовательской практикой. Если кажется кому-то, что социальная инженерия на самом деле не требует ничего дополнительного, то это большая ошибка. Собственно разработка этих самых управленческих решений требует просто другой потенциальной компетенции, которая связана не только со знанием объекта управления, но подчеркиваю, со знанием субъекта управления. Его, собственно, ресурса, его возможностей, его целеполагания. И изучение вот этих самых органов управления, то есть те, для которых, собственно говоря, может быть рождена там или иная социальная технология изменений, то есть тот, кто будет, вообще говоря, эти изменения делать. Это особое знание. И я считаю, что, вообще говоря, это довольно трудно. Первое, наверное, возможно в отдельных случаях, но довольно трудно совместить эти две области знания. Допуская, что очень многие коллеги, вполне каким-то образом справляются с этим совмещением, но я не очень уверен, что это глубокое совмещение. Почти наверняка это вполне такое поверхностное совмещение, связанное только с консалтингом, с легким, так скажем, консалтингом. Не всегда обоснованным. Второе ограничение, очень важное. Опять же вернусь к своим старым тезисам. О том, что «что такое профессионализм?». Вот мы говорим про профессионализм социолога, да? Профессионализм – это не только обладание определёнными какими-то навыками, знаниями. Даже в меньшей степени это обладание знаниями. Это, прежде всего самоидентификация, и идентификация внешняя. Социолог должен: А) сам себя идентифицировать как социолог. Второе: его должны идентифицировать те потребители его продукции как социолога, сказать да, это такой социолог, действительно, а не какой-то там другой социальный инженер или политолог. И третье, он должен быть таким же профессионалом идентифицирован профессиональным сообществом. То есть. Такими же, как он. Три таких идентификации. Что в случае. Совмещения происходит. Ну, хорошо, сам себя социолог еще может допустить и сказать я социолог и социальный инженер. Но, возникает ответственность уже другого характера, он должен быть ответственным перед клиентом, перед заказчиком уже и за социально инженерные разработки. Может ли он потянуть такую ответственность, должен ли он брать такую ответственность. Потому что эти социальные разработки, даже в консультировании есть такое понятие ответственное и безответственное консультирование. Ответственное консультирование – это когда консультант несёт ответственность за свои предложения, рекомендации деньгами. Можем ли мы предположить, что

кто-то из социологов, разработавших соответствующие социальные технологии и, предложив это управленцу, а давайте мы такие вот социальные изменения внесём. В нашу практику. В нашем городском управлении, например. Или в управлении, не дай бог, страной. Значит, соответствующую ответственность взять на себя оставаясь исследователем и сказать «я вот эти изменения будут полезны клиенту. За всё остальное бывает ответственность. Смотрите, когда социолог проводит исследования, даже прикладные, даже заказные, в некотором смысле он дистанцируется от заказчика, таким образом, что он предполагает выдачу некоторого результата, свободного от обременений, которые накладывает на него заказчик. Ну, если он честный исследователь. Он социальную реальность представил, такую, какая она есть. А что такое социальная инженерия? И социальные изменения. Они не могут быть абстрагированы от всех. Они не могут быть независимы ни от кого. Они обязательно встроены в определённое целеполагание и стратегию кого-то. В данном случае того самого заказчика. Ну, хорошо, если это, условно говоря, порядочный орган управления. Хороший, добросовестный, ориентированный на всё общество, на благо всеобщее. Общественное. Каждый раз ли мы уверены, что тот заказчик, который нам просит то или иное разработать, как бы воздействовать на людей, соответственно отвечает этим критериям. Не всегда. А разработка уже заведомо социально инженерная она точно встроена обязательно для этого субъекта управления. Она социально инженерная, в отличие от исследовательской разработки не может быть для всех. Это вот следующее ограничение. И последнее, самое последнее и самое, на мой взгляд, важное. А что тогда будет социолог, перешедший в разряд социального инженера говорить уже своим коллегам профессионалам. Ответственность перед профессиональным сообществом какова? А фактически размытие этой позиции, которая допускает размытие профессиональной позиции, бросает тень на всё профессиональное сообщество исследователей. Вот я хочу на это обратить внимание. Почему? А, потому что любой заказчик потом обращаясь к какому-нибудь социологу нашему коллеге, с соответствующим предложением и запросом на исследование. Он будет смотреть, ага, значит этот же человек он же не просто там исследователь. Он ещё и что-то разрабатывал в смысле изменений. Есть риски, о том, что его исследование следующее не будет беспристрастным. Оно уже будет встроено в определённые намерения, в определённые целеполагания, в определённый ориентир на социальные изменения определённого толка. И эти исследования будут изначально как бы подвинуты в ту сторону, чтобы обосновать соответствующее социальное решение. Возникает конфликт интересов, который бросает тень на исследование, говоря о том, что они не независимы, они не свободны от этих вот самых интересов. А независимые социальные исследования, должны быть свободными от этих обременений, и только тогда к нему будет доверие. Ключевое слово доверие, которое я всё время отстаиваю, и многим это кажется совершенно пафосным романтизмом. На мой взгляд, это просто ключевое слово, которое определяет профессиональный успех человека. Если ему нет доверия, то нет успеха. А доверие может быть только когда он: А) понятен в своей профессиональной позиции и не смешивает интересы одной профессии, другой, интересы свои и интересы заказчика и тем более всего общества. Вот в этой связи хотелось бы сказать, что, на мой взгляд, совмещение неправильно, не хорошо. И лучше, если его разделять. Это не означает, что кто-то из социологов в какой-то момент не может перейти в социальные инженеры, но тогда он точно говорит: Я оставил исследовательскую деятельность. Я теперь ориентирован на изменение, я разрабатываю соответствующие инструменты для вполне определённых управленцев. Спасибо.

Валерий Федоров: Я хочу во всём отличаться от Игоря Вениаминовича. В рамках этого диспута. Поэтому с вашего позволения я буду сидеть, как и вы. Значит, конечно, нас сейчас запугали. Торговля страхом - это, как известно, самое прибыльное дело в наше время, когда никто не понимает, что происходит. И по инерции ждут худшего. Но у меня есть для вас, новость: худшее уже происходит, худшее уже наступило. Вот. И в гораздо больших масштабах, чем все маловероятные риски, хотя вероятные, о которых Игорь сегодня сказал. Не надо ходить далеко.

Главное событие 2018 года в России какое? Кто-то пытается слабо сказать выборы. Чемпионат. Конечно, повышение пенсионного возраста однозначный ответ. Вот декабре ВЦИОМ, как всегда, проведя опросы, да и ФОМ, да и другие уверен службы зафиксировали, что для наших соотечественников главное событие уходящего года, очень насыщенного и спортивными и политическими и прочими событиями, всё-таки это было повышение пенсионного возраста. И это не просто событие, сегодня о нём говорят все, а завтра о нём все забыли. Это событие, которое резко поменяло вектор общественных настроений. У нас все показатели социального самочувствия рухнули. У нас рейтинги властей рухнули. Те, кто был на пленарке, видели всякие страшные цифры, которые я демонстрировал. Рост числа желающих отъехать за рубеж на ПМЖ, рост доли тех, кто не верит в то, что у нас в стране равные возможности для всех и так далее и тому подобное. Важнейшая реформа. Кто её придумал, и кто её осуществил? Может быть социальные инженеры? Ничего подобного, её придумали и осуществили технократы. Управленцы, правительство наше дорогое. Которое посчитало, что так будет лучше для нас всех. Оценивали ли они риски? Ну конечно оценивали. Верной была эта оценка? Конечно, нет. Более того оценки последующие, в том числе и финансовые, то, что напомним, что было вынуждено правительство принять после того, как столкнулось с возмущением, с недовольством всеобщим, на уровне 90% избирателей. Оно было вынуждено вводить компенсирующие меры, которые тоже стоят денег. И вот некоторые эксперты говорят, что стоимость этих компенсирующих мер такова, что весь финансовый выигрыш от этой реформы он, так сказать, оказывается совершенно незначительным. Возникает опять вопрос: а нужно ли было городить огород вообще? Вот цена реформы. Это, кстати, не первая реформа, до этого были другие реформы, которыми не занимались социальные инженеры. Которые занимались технократы. Они и дальше будут ими заниматься, вы что думаете. Недавно Антон Милонов, сказал, что я был очень удивлен, почему все так недовольны то, вроде мы только благо делаем для всех, всем же будет лучше. Поэтому уже сегодня без социальных инженеров, без их участия в принятии важнейших решений мы, общество, страдаем, несём это бремя и все риски они уже реализовались и реализуются. Да, кстати, что делают технократы, когда вдруг понимают, что что-то они не то наворотили, и надо как-то эту волну протеста волну недовольства, значит подавить или хотя бы снизить. Куда они идут? Тоже к социальным инженерам? Ничего подобного. Они идут к пиарщикам. Их политехнологам. Они пытаются через мнение, через коммуникации убедить общество «ну это не страшно, и вообще тут есть и другая сторона, смириться, дальше будет лучше». Иногда это срабатывает, но вот в нашем случае не сработало, вот в этом конкретном кейсе. Поэтому меня лично, не знаю как вас, нынешняя управленческая практика убеждает в том, что без социальных инженеров гораздо хуже, чем с ними. И теперь вопрос: кто же может быть социальными инженерами? Спасибо Наташе, вначале она попросила поднять руки, тех, кто себя относит к социальным инженерам, поднялось, ну, может быть 10, может быть 12 рук. Это немного. Совсем немного. Но это, мне кажется, очень такая адекватная оценка. Разве кто-то говорит о том, что все социологи должны стать социальными инженерами? Алексей Чуриков, присутствующий здесь, не даст соврать. Далёко не все социологи могут стать специалистами по выборке. А тем более хорошими специалистами. А собственно и не надо. В рамках вот этого социума социологов, в рамках нашего профессионального сообщества есть представители разных специальностей. Специалист по обработке, специалист по сбору, специалист по интерпретации данных, специалист по презентации данных. На мой взгляд, социальный инженер — это очередная специальность в рамках нашего большого террариума единомышленников. И, конечно, далеко не все и могут, и хотят, и должны становятся социальными инженерами. Но есть те, которые могут и хотят. И я считаю, что мы должны дать им такую возможность. Более того, никакой китайской стены создавать не надо. Точно так же, как не все социологи могут и станут социальными инженерами, точно так же не все социальные инженеры должны происходить из социологических сообществ. Когда формируется, новая специальность, формируется, новая профессия, по сути, очевидно, куда приходят люди из разных существующих на тот момент

профессий. Когда в 60 году создавались ракетные войска стратегического назначения, Игорь Вениаминович, не чужие вам, туда собирались из всех существовавших на тот момент родов войск. Понятно, потому что просто ниоткуда не могут возникнуть эти люди. Точно так же в социальные инженеры лежит дорога не только из социологической профессии, но и из других. Но я надеюсь, что социология всё-таки будет поставщиком людей туда, ровно в силу наличия тех необходимых знаний, компетенций, опыта о которых так ярко сегодня говорил Игорь, как его требования к социологам. Почему ещё, мне кажется, тема социальной инженерии сегодня так важна. Только два тренда назову. Первое: время сжимается. Сегодня у нас на принятие решений, даже очень важных, судьбоносных, как в своё время один руководитель любил говорить, сегодня времени гораздо меньше. Поэтому эти транзакционные издержки они должны снижаться, вот нужно быстрее делать то, на что раньше мы могли отводить там месяцы, годы и даже тысячелетия. И с этой точки зрения социологи ближе всего как исследователи социальной реальности стоят к проектированию, новой реальности. Мы её изучаем, мы её открываем и у нас возникает необходимое знание для того, чтобы использовать его при проектировании. Это ответ на вызов времени. Второй тренд: вопросы всё более сложные перед нами сегодня стоят. Большинство вопросов, которые должны решаться в нашем сложном обществе, они требуют, конечно, междисциплинарного подхода. Вот финансисты спланировали пенсионную реформу. По их мнению, всё вышло великолепно. Теперь расширятся трудовые ресурсы, и вообще мы идём в общем строю теперь с другими странами, которые эти реформу сделали раньше. Всё великолепно. Но очевидно, если пригласить социологов, политологов, специалистов по коммуникации и так далее, у них будет свой взгляд то, что вообще всё надо было делать иначе. Александр Ростов, выступавший на пленарном заседании нашем, он говорил о том, что сегодня общество настолько разное и настолько сложное, что невозможны и губительны решения, которые принимаются исходя из того, что все люди одинаковы. Да, мы все одинаковые. Почти. У всех есть, ноги, руки, голова. А дальше начинаются различия. И эти различия надо изучать, надо их знать, понимать, уважать. И проектировать управленческие решения, чтобы не игнорировать, не оставлять их за скобками, а наоборот учитывать и создавать такие решения, которые будут оставлять возможность разнообразия и возможность свободы, которая для этого разнообразия необходима. Ну и последнее, что хотелось бы вот сейчас сказать, конечно, сегодня есть запрос на социальную инженерию, он действительно острый. Мы не ходим по нашим заказчикам и не навязываем им услуги по социальной инженерии. Мы, наоборот, фиксируем всё более и более частые обращения. Ребят, ну вот вы изучили, что происходит, а что делать с этим? То есть вот это вот движение социальной инженерии — это ответ, в том числе, на запрос со стороны заказчика. Уже просто исследования трудно продаваемы, а вот решения продаются уже лучше. И всё-таки более востребованы, легче ли быть социальным инженером, чем социальным исследователем? Конечно, труднее, конечно, компетенция должна быть намного выше, это разумеется. И специально надо учиться этому, я с вами абсолютно согласен. Мы во ВЦИОМе, когда несколько лет назад начинали эту работу, ну такой вот может быть не очень профессиональный, но провели такой вот смотр рядов и поняли, что у нас кандидатов на то, чтобы по этой специальности работать, можно пересчитать по пальцам одной руки. Хотя вроде социальную реальность исследуем уже 4й десяток лет. Но нужно это делать. У нас как у профессионального сообщества есть хорошие возможности, более того есть уже и реальные кейсы, некоторые завершённые, некоторые нет, которые показывают в какой части инженеров сложнейшие решения принимаются более квалифицированно, ну и самое главное уже и люди постепенно появляются, да. Те самые социальные инженеры, на которых мы будем равняться, и с кого будем брать пример, кто станет я уверен образцами для этой важнейшей профессии сегодняшнего и завтрашнего дня.

Наталья Мандрова: Как-то уже неудобно вставать, если честно. Вы думаете, да? Ну, как-то, мне кажется, нужно больше энергии. Ладно, хорошо, договорились. Ну что, определились? Какая

позиция больше понравилась? Тогда я предлагаю задать вам друг другу по одному вопросу. Игорь, да. Обостри, пожалуйста.

Игорь Задорин: Ну, на самом деле, вот мне показалось, вопрос собственно заключается в следующем, что мне показалось, что Валерий Валерьевич со мной не стал спорить, потому что он ушёл от ответа о совмещении. Он говорит о том, социальная инженерия не нужна. Господи, ну кто же спорит, я после этого пришёл в социологию сначала, и не случайно вспомнил про мою фистетовскую ипостась, первичную. Конечно, когда я пришёл в социологию, мне казалось, что это странно. Это вопрос, что очень важный вопрос, намерен всё-таки его сказать прямо. Люди, у которых вся деятельность заканчивается текстом. Ну что это такое? Там, где я работал раньше, там не просто, там эта дура должна была полететь и попасть туда куда надо, вот это результат. А что текст. И вот тогда была социальная инженерия, да действительно, не просто что-то изучили, а, чтобы вот это вот полетело. Депутат, кандидат куда-то там полетел. Попал. Да. Но потом я понял, что это надо разводить, так же, как и я вот тут встану, вот, потому что в моей области, в первичной, вот инженер, который разработчик, инженер технолог и тот самый исследователь – это разные ипостаси. Второе, значит, врачи диагносты, которые ставят диагноз, они уже отделены от врачей терапевтов, которые выписывают рецепт и осуществляют лечение. И это тоже важное разделение. Дальше, в финансовых инвестиционных банках китайской, именно китайской стеной разделены аналитики и дилеры, те, которые торгуют. Те, которые изучают фонды и биржи, акции и соответствующий технический анализ, и которые торгуют. Почему? Потому что при совмещении возникает конфликт интересов, что аналитик может специальным образом такое решение придумать, которое ему выгодно как уже как дилеру. И так далее. Есть разделение. И вот в этой связи вопрос: я за социальную инженерию, но можно ли это действительно совместить без ущерба для А: квалификации, Б: репутации в одном человеке. Когда он сначала поисследовал, сказал надо делать так и вот то-то-то-то. Потом вот отошёл и говорит: вот такая реальность. Нет, надо делать так и так далее. Вот можно ли ему доверять как исследователю? Он действительно всегда будет объективный исследователь, если он ещё и заинтересован в определенных изменениях?

Валерий Федоров: Спасибо за вопрос, я не знаю исследователей, которые объективны всегда. Вот не знаю. Все мы немножко лошади, все мы немножко люди. Поэтому, конечно, у всех у нас есть свои взгляды, пристрастия. Вот вы, например, Игорь Вениаминович, яркий пример человека, который непрерывно развивается. Сегодня вам интересно одно исследовать, потом прям бац, нет, я этим больше не занимаюсь, занимаюсь совершенно другим. Вот пошёл на, новую трёхлетку. Правда ведь?

Игорь Задорин: Да.

Валерий Федоров: Вот. Но разве мы вас от этого меньше любим? Нет. Вы имеете право на творчество. Все науки превзошли и пошли дальше. Я думаю, что скорее объективность необъективность, ну да, безусловно, это и этические должны быть регуляторы, и профессиональные кодексы, и какие-то из них уже есть, каких-то нет, но следовало бы ими озаботиться. Есть, в конце концов, общественное мнение профессионального сообщества, которое может некоторые острые вопросы такого рода тоже обсуждать и выносить свои вердикты. Кого-то возносить, а кого-то низвергать. Вот. Но я скажу честно, что я знаю людей, которые работают социальными инженерами, на мой взгляд, великолепно работают и при этом никаких подозрений в том, что они исследования социальные проводят необъективно, у меня нет. Вот один здесь сидит во втором ряду, Сергей Хайкин. Можно Сергей Романович вас попросить подняться. Вот человек, который уже несколько десятилетий занимается исследованиями и уже лет 15-20 занимается консалтингом.

Игорь Задорин: Вот я как раз Сергею Романовичу те же претензии и предъявляю. Именно такие, что его исследования сейчас во многом выдают результаты в интересах определенных

этнических групп, которые ему интересны, как исследователю. И, вообще говоря, в этом смысле, довольно спорные. Я утрирую, Сергей Романович, но на самом деле там есть такое смещение в эту сторону и защита там определённых групп, которые являются объектом ваших интересов исследований.

Сергей Романович: У кого микрофон у того и власть, я понимаю.

Валерий Федоров: Да, тяжелое обвинение, тяжелое. Значит, теперь что касается ещё одного важного момента, китайской стены между аналитиками и брокерами. Ну, это известное решение, и действительно банк инвестиционный не может существовать без тех и других, и те и другие банкиры, между прочим, называются банкирами. То есть различия есть, но, в общем-то, это финансисты. Я один маленький просто пример приведу, из практики ВЦИОМа. Вот у нас есть некий набор ценностей, которые мы стараемся исповедовать. Но вот этот набор ценностей он так построен, что овладеть каждой последующей. На самом деле понять, что это такое, и проникнуться ей можно только встав на следующую ступеньку лестницы Иакова. Лестницы самосовершенствования. Вот 4 главных ценности у нас. Это точность, оперативность, глубина и творчество. Это именно лесенка. Смотрите, точность — это базовая ценность, это то требование, которое мы предъявляем всем. Вот к нам люди приходят на испытательный срок, потом работают какой-то там год, два. Главное, что мы от них требуем это точность. Точность во всём. В соблюдении инструкций, например. В работе с данными. И так далее и тому подобное. Без точности нет ничего. Как только человек освоил точность, как только он понял, что это такое, следующая ступень оперативность. Я говорил сегодня о том, что время сжимается. И вот для нас, для ВЦИОМа — это такой ключевой момент нашего ДНК как компании. Оперативность, мы всё делаем очень быстро и за это нас любят наши заказчики. И не любят наши конкуренты. Мы тренируем людей работать быстро, мы считаем, что они становятся профессионалами и тогда они овладевают необходимым минимумом компетенций. А когда они научаются делать это ещё и быстро. И как только эта высота взята, то открывается следующая, глубина. Вот эта ценность, позволяющая за деревьями видеть лес. Ценность, позволяющая не просто описательные какие-то давать отчёты. А по-настоящему ценные, глубокие, аналитические, интересные, содержательные. Как вы думаете, многие ли перепрыгивают со второй ступеньки на третью? Ну, уж точно не все. Всё так аналитический дар не всем дан. И не у всех он может развиваться, быть развитым. Заканчиваю. Глубина. И, наконец, последняя самая высокая ценность, которая для нас критически важна, но овладеть ей могут абсолютное меньшинство. Это творчество. Это создание чего-то принципиального, нового. Вот это любая ценность для социальных инженеров. Вот к творчеству допускаются только те, кто прошёл все предыдущие ступени. Вот. Поэтому действительно компетенция социального инженера она самая сложная из всех компетенций, которые, на мой взгляд, должны быть освоены нашим социологическим обществом.

Наталья Мандрова: Тогда к своему острому вопросу к оппоненту.

Валерий Федоров: Игорь, вы как рассчитываете, а сохранится ли пространство для традиционных исследователей, которые будут заниматься только исследованиями без рекомендаций, без консалтинга, без социальной инженерии вот в нашем бурно меняющемся и сжимающемся во времени в мире или нет. То есть, не умрем ли мы все как мамонты?

Игорь Задорин: Не смотря на достигнутый мной пенсионный возраст, я всё-таки намерен остаться ещё лет на 10-15, поэтому надеюсь, что эта ипостась, как бы, останется. И у многих коллег, у молодых тоже. Хочу чуть-чуть поправить свой тезис относительно претензии к Сергею Романовичу, потому что она очень характерна. Сергей Романович любит свой объект исследования. Это страстная, это очень хорошо, когда есть у исследователя страсть. И оставаясь только в режиме исследователя, он замечательным образом постигает действительно именно эту реальность со страстью, с любовью. Но когда дальше его приглашают, соответственно, расскажите нам, порекомендуйте, а что делать. То он, ну человек же естественно он один, он

дальше эту же страсть переносит в рекомендации. К нему никакой беды не предъявляется, я предъявляю больше всего к управленцам, это, кстати, мой ответ отчасти. Я очень надеюсь, что управленцы тоже будут нести ответственность большое, чем они хотят сейчас нести. Когда спрашивают у социологов «что делать?». Вообще-то говоря, это вопрос к не социологу. Понятно дело, что им не к кому, возможно, обратится, и когда Владислав Юрьевич Сурков пишет о глубинном народе, это такой крик отчаяния управленца, который потерял ориентир. Он хочет кого-то спросить «а что делать то с ними?». С этим глубинным народом. Он естественно идёт к социологу, но вопрос «надо ли социологу сразу переходить в эту самую социально инженерную позицию и начинать сразу говорить «вот надо делать то-то-то-то»». Причём заметьте, это управленец должен нести ответственность за эти самые решения, а он сейчас будет перекидывать её на социолога. Потом скажет «это нам социологи так вот порекомендовали». Я, между прочим, встречался уже довольно много с такими перверсиями, когда управленец сделал ошибку на основе, вообще то, честно говоря, ему предоставляли материал, он сделал ошибку, он не то сделал, но при этом свалил на социолога.

Валерий Федоров: Управление слишком серьезное дело, чтобы доверять его управленцу.

Игорь Задорин: Тезис известный, конечно. Но не работает. Управленцы должны быть квалифицированы. Это я ответил так на вопрос. Но я да, я надеюсь, что у нас останется. Возможность оставаться исследователями.

Валерий Федоров: Ну, кстати оффтоп, очень короткий. Это вот правильная совершенно критика в адрес управленцев, так оно и есть. Но осознанна уже эта проблема, и не случайно в рамках ВШГУ, это известное подразделение Российской Академии Президентской и госслужбы народного действия, где проходят курсы для топовых управленцев, многие из которых затем становятся губернаторами, заместителями министров, министрами и так далее. Там после громкой критики о том, что они слишком уж в демократизм ударились, введены элементы обучения работы с социологическими данными. И я надеюсь, что этих элементов станет больше.

Наталья Мандрова: Всё-таки Валерий Валерьевич, на мой взгляд, очень хитрый. Вот вроде как пошло обострение, он взял и присоединился. Молодец. Смотрите, как-то более чётко стала понятна позиция одного и другого. Вот кому более близка позиция Валерия Федорова? Поднимите руку. Кто из вас хочет задать вопрос Игорю Задорину. Вот прямо вот так, чтобы хороший вопрос. Кто задаст вопрос. Давайте, идите к нам сюда.

Женщина: На самом деле вопрос простой, Игорь Вениаминович говорил о разделении, но очень во многих сферах такая же путаница и, по-моему, она очень прекрасно работает.

Игорь Задорин: Именно про это я и говорю. НИОКР, то, что называется НИОКР в инженерных словах, как правило, делают другие люди, чем, собственно, вот, условно говоря, есть физик-исследователь физических процессов, есть соответствующий инженер, который проводит эти самые НИОКРы. Есть научные исследования. А есть окно конструкторские разработки. Это разные люди. В этом смысле ваш вопрос скорее только подтверждает мою позицию.

Женщина: Можно я отвечу. Возможно, там, где я работаю, то есть в фарме, это командное. Там есть исследователи, там есть.

Игорь Задорин: О, очень хорошо, спасибо. Значит создание некоторых творческих проектных коллективов, в которые бы входили социологи исследователи, социальные инженеры и даже управленцы, в рамках нелюбимого мною ЭДЖА, значит возможны. Но при этом каждый из них остается в своей профессиональной роли. А в принципе в команде да, могут сочетаться.

Наталья Мандрова: Отлично, а кто хочет задать вопрос Валерию Валерьевичу. Кому ближе позиция Игоря. Кто из вас хочет задать вопрос Валерию Валерьевичу. Ну, давайте.

Мужчина: Я журналист. Просто очень долго уже слушаю руководителей социологических служб. Как они интерпретируют собственные исследования. Я за социологию, в общем то. У меня вопрос к Игорю Задорину. На чём лучше заработать: на социологии или на инжиниринге? На стороне социологии, я так понял из выступления Валерия Валерьевича. В социологе, который берётся за инженерию есть что-то героическое, да. Потому что он провёл исследование. Вот он видит настроение общества. Он знает качество управленцев, ну, например, по пенсионной реформе. И у него вполне такой человеческий порыв, увидев состояние общества предложить то решение, которое не будет усугублять состояние общества. Валерий Валерьевич, а где уверенность, что управленец воспримет именно тот вариант социального инжиниринга, который вы предложите в интересах общества. И не потребует от вас другого в интересах своего, управленческого.

Валерий Федоров: Спасибо. Серьезный вопрос. Тут опять мы на территорию морального выбора вторгаемся. Если вы социолог и работаете на партию, ну давайте про выборы, где всё оголено, на партию, которая преследует какие-то программные цели вам глубоко не симпатичные. Я вот прекрасно помню в 90-е годы некоторые социологи, их тоже об этом спрашивали, они говорили, а и социологи, и политехнологи, и пиарщики, они говорили «так, я работаю. С каким угодно заказчиком, но кроме фашистов и коммунистов». Ну, слушай, имеешь право. А кто-то может говорить: "Я работаю с каким угодно заказчиком, кроме либерала". Ну а почему нет. Это вопрос личного выбора. Если ты работаешь с заказчиком, чьи убеждения, интенции, чья программа глубоко тебе не симпатичны. То ты либо наступаешь на горло собственной песни, потому что очень хочется кушать. Либо говоришь ему нет, извините, честь дороже. И идёшь дальше искать других заказчиков. Кстати, в нашей практике такое периодически случается. Но не из-за идеологических разногласий, а из-за того, что некоторые заказчики по-прежнему, как вчера Сергей Романович Хайкин сказал, вот, предпочитают исследованиям социологический ботокс. Они приходят не за измерениями, а затем, чтобы им сделали красиво и показали, что у них всё великолепно. От таких заказчиков мы отказываемся. Имеем на это и право, и возможность. Я за свою практику работы с тремя людьми, которые занимали должность куратора внутренней политики в России, за 15 лет ни разу не сталкивался с тем, чтобы просили сделать вот как красиво. Но на других уровнях, там губернаторы, руководители компаний, да, такое происходило. И каждый раз ответ был один: нет извините, мы так с вами работать не будем. И лучше вообще с вами работать не будем. Поэтому да, такие кейсы возможны, и в случае с социальным инженером они возможны. Но раз вы человек очень высокой квалификации, а я говорю и повторяю, что социальный инженер — это квалификация более высокая, чем, например социальный аналитик.

Игорь Задорин: Поэтому заработать на инженерии можно больше.

Валерий Федоров: Поэтому он может себе позволить отказаться от работы с заказчиком, который ему не симпатичен. Теперь на чём больше денег можно заработать. Нет, конечно, пока можно больше денег на исследованиях заработать. Безусловно. Более того повторяюсь, запрос к нам возникает на социальную инженерию ровно благодаря тому, что исследования, которые мы проводим, они признаются высоко качественными, интересными, глубокими, возникает пространство доверия, авторитет и какой-то паритет даже перед нами. Всё это заработано благодаря исследованиям. И, конечно, они дают основную долю доходов. Консалтинг – это такая вишенка на торте. Но, надеюсь, через какое-то время этих вишенок станет побольше.

Мужчина: Я социолог. Два слова. Время энциклопедистов, безусловно, прошло. Вольтер, Руссо, Дидро и Паниковский, помните, как, да. Ещё в прошлом веке специалист по добинг флюсу, познания его одностороннее. И когда я поступал в аспирантуру, это 70-е годы прошлого века, действительно было так, что в аспирантуру не приходили с социологией. Социология была продажной девкой империализма, и поэтому приходили историки, экономисты, юристы, филологов меньше хотели брать. Философов больше хотели брать, брали математиков с

удовольствием, потому что математик уже не тупой. А как-то несчастной философии обучить можно. Но сейчас мы видим пошла всё большая и большая специализация. Мы это видим по нашим профессиям. Это непереносимое условие. Но точно так же очевидно, что при академической подготовке нам нужно готовить людей культурных, интеллигентных, способных понимать всю совокупность наших профессий и задач. И вот то, что называют сейчас модным словом вызов, есть вызов — это внедрение. Когда Валерий Валерьевич сказал о лестнице, мне скорее другой образ представился, я скорее представил Сизифа, который прёт камень наверх, вот прёт, прёт, допёр его до верха, а Бог ему говорит «хлоп всё вниз». Помните, как сизифов труд, и все вниз шло и ничего не получилось. Вызов то – давай результат, давай какую-нибудь профессию. И поэтому оно автоматически получилось, что нужен сталкер, который пришёл, который показал путь на сторону туда, потому что мы же ещё и граждане, мы же ещё и люди, мы же не просто хотим, денежку очень хотим, но хотим ещё и какого-то изменения реального. И вот так получилось, что сама жизнь заставила на эту сторону прийти, на сторону внедрения, вот то, что мы сейчас назвали социальной инженерией, это помощь в переводе социологического языка на конкретные результаты, на конкретные предложения, рекомендации, которые реализуемы уже в реальных каких-то условиях. Но главный мой вопрос, который я задал бы Валерию Валерьевичу и, наверное, тоже Игорю Вениаминовичу, а находится ли социальная инженерия в этой триаде. Не за пределами ли она. Вот посмотрите, если взять по аналогии с маркетингом, это находится на стороне клиента уже. Другое дело ведь как бывает, ты пришёл в маркетинг, сначала на ресепшн посидел, потом на sale, потом тебя на research посадили. Потом опять перевели через какое-то время. И у нас, невольно, то же самое получится. Но мне, кажется, что социальный инженер он находится, вообще говоря, за пределами, вот, если так в идеале, он находится за пределами нашего контента социологического. Есть у нас отрыв теоретики, которых нам явно не хватает. Есть мы прикладники, спинной мозг. Головной мозг, спинной мозг и руки. И эти руки, мне кажется, они уже находятся на стороне заказчика. Жизнь пока нас заставляет этим заниматься, потому что мы хотим каких-то изменений. Изменений в стране мало. Мы медленно развиваемся, изменений мало. Но по-настоящему это люди должны быть социологи, заточенные на социальную инженерию, которая находится на стороне исполнителя, а не заказчика. Вот так я для себя это вижу. Спасибо большое.

Наталья Мандрова: У кого есть желание выступить и внести свою лепту в эту дискуссию. Вот у нас есть две руки, вы тогда подходите сюда поближе. Вы только представляйтесь, пожалуйста.

Мирослава Цапко: Здравствуйте коллеги, я Цапко Мирослава Сергеевна, возглавляю социологические исследования московской области, правительства МО. Соответственно получается, что я и социолог, и управленец. И, в связи с этим я бы хотела вот такой ракурс добавить. Просто мне не очень понятно, откуда взялся тезис относительно того, что социолог выполняет свои исследования, должен стыдливо уходить от конечного и, в общем, для науки главного момента прогнозирования ситуации и выдачи своих рекомендаций. Вообще всё в науке и делается для это национальная штука, и коль скоро мы учёные, от нас как раз ждут прогноза, потому что мы знаем закономерности, которые возникают в обществе и можем сказать, о том, что, если ты сделаешь так, то будет вот это с такой-то вероятностью. Если, мы не можем этого делать, мы же не градусники, то есть, чтобы не превратится просто в измерительный прибор, мы обязаны, честь любой науки осуществлять рекомендации. Другое дело, это должны быть рекомендации социолога, должно быть так и написано. А уже управленец может ими воспользоваться или не воспользоваться, но в любом случае учесть. Может на эту тему я хотела бы услышать мнение как одного, так и второго участника дебатов.

Наталья Мандрова: Давайте тогда у нас будет подведение итогов, и вы там уже коллеги и выскажитесь. Где у нас второй спикер?

Женщина: В терминологии Игоря Вениаминовича я вообще не поймешь кто. А в терминологии Валерия Валерьевича я представитель, новой профессии, перспективной. И, честно говоря, я под

словами Валерия Валерьевича готова подписаться под всеми. Я себя чувствую маргиналом, не пришей кобыле хвост, у меня два резюме, одно из которых в одну сторону, другое из которых в другую сторону. Прошу прощения, я не помню, был еще один докладчик, который говорил, что, скорее всего, роль социального инженера она отдельно, она вне лежит. Собственно говоря, так получилось, что сейчас я работаю на стороне клиента, я занимаюсь коммуникативной стратегией, и я социолог. Прежде чем что-то сделать я провожу исследование. Мне, честно говоря, кажется, что оно вместе, оно, не говоря уже о том, что мы можем сколь угодно рассуждать там о каких-то разных проблемах, но рынок, и жизнь, и социальная среда с нас требуют быть социальными инженерами, ну в общем, я полностью согласна. Мне кажется, здесь вот то же самое, когда фокус группа, мы там проводили когда-то давно. Если ты слушаешь, если потребитель проекта сидит на фокус-группах, и слушает, дизайнер слушает, копирайтер слушает, из него можно отличные квалификационные вытащить предложения. Оно у меня всё вместе, пока ты исследуешь, то реально приходят в голову какие-то механизмы как вот это вот всё делать. Игорь Вениаминович, получается, говорит, что мне нельзя социологией заниматься. Запрет на профессию.

Игорь Задорин: Да, если вы нас стороне одного конкретного клиента, то нет, заказывайте социологию у независимых исследователей.

Женщина: Я просто считаю, что здесь как раз человек с социологическим бэкграундом вправе делать то, о чем говорит коллега. Но при этом важен и взгляд, с другой стороны. Поэтому, когда вы привлекаете исследовательское агентство, вы сделали свои выводы, слушая респондентов на фокус группах, вы вправе это сделать и вы считаете, что они верны, по своему субъективному мнению. И когда к вам агентство, которое вам организовывало эту фокус группу, присылает отчет, там могут быть какие-то мысли, мнения, которые могут быть отличны от вашего. И может быть просто по какой-то причине они вам не пришли в определённый момент в голову. И человек, точно так же этот управленец, с бэкграундом социолога, посмотрев на отчёт людей агентства, которое ему этот отчёт написало, он может согласиться или не согласиться, он уже как управленец вправе принимать это решение. Важен просто дополнительный взгляд, еще одна пара глаз, они не противоречат друг другу. У меня к вам просьба, а вы не могли бы рассказать, где вы работаете?

Женщина: Я работаю в московской больнице. И, наверное, это первая московская больница у которой есть коммуникационная стратегия. Получается так, что те люди, которые принимают решения, которые работают в отделах, пресс-службах, коммуникационных отделах они не имеют социологического бэкграунда, а со знаниями в области общественных наук у нас реально очень плохо. И, если знания о физике на уровне школы, нормально, то с общественными науками беда полная, нет элементарных знаний. Эти люди просто не понимают социологов.

Игорь Задорин: Не могу молчать, что называется. У меня был даже не один аналогичный случай, когда заказчик, заказывая исследование, говорит: вот вы сейчас аудит бренда банка проведёте, ну и дадите сразу рекомендации, что там надо делать, какую рекламную стратегию проводить. Я говорю: нет, аудит да, а дальше мы вам обязательно порекомендуем пира агентство, которое придёт с нами к консенсусу, которое знает социологический язык, с которой мы работаем вместе. И оно сделает вам рекламную стратегию. А почему я не беру эти деньги сразу вместе и зачем кого-то ещё приглашать? А, потому что через три года этот банк спросит « а где эффективность этой рекламной стратегии». Он мне закажет исследование про повод контроля эффективности. И, если я же и разработчик был бы, то это полный абсурд, потому что я буду контролировать своё собственное решение. Это разные ипостаси.

Наталья Мандрова: Я хочу в этой связи сказать, что у меня был проект, где я была разработчиком программы, на основе социологического исследования, которое проводил Задорин, а результаты которого измерял Федоров.

Лариса Паутова: Лариса Паутова, фонд общественное мнение, прости меня Игорь Вениаминович, прости меня работодатель, но позиция Валерия Валерьевича мне ближе. Видимо не просто так на три недели были с вами в США и получали знания. Но действительно позиция мне эта ближе, хотя я разделяю и вашу позицию. Личностное, когда я уходила в декрет, нужно было сжечь документы, всякие отчеты воронежским, волгоградским губернатором, не дай бог, на помойку попадут, рейтинги там всякие страшные. Ну, сжигать нельзя всё это было, я в шредер все это складывала. И вот я стою, беременная, и в шредер всё это. И я поняла, что моя жизнь, все эти отчёты, я в этот шредер. Я к чему. Есть люди, которые не только ходят работать как шредер. Но хотят что-то поменять. И вы первый из нас, между прочим, пытаетесь менять. Мы пытаемся экспериментировать. Поэтому я хотела бы сказать спасибо вот этому замечательному составу. Это конечно чистый продукт, вода. Это смузи. Это чистая водка. Это коктейль. В баре должно быть всё. И заказчик пусть выбирает. Если мы экспериментировать не будем, то всё, придут роботы и нас всех заменять. Плюс, важный момент, всё-таки, я не хочу обидеть, но и у ФОМа и ВЦИОМа заказчики, мы вчера их видели, ого-го люди какого 125 уровня. И они ставят перед нами уже задачи, нового порядка. Они хотят больше. Такие задачи ставит клиент, что аутентичностью, чистым продуктом, увы, мы уже не справимся, надо смешивать. Спасибо вам большое.

Наталья Мандрова: Очень коротко ещё одна реплика и вы потом подходите, и мы в Телеграм все ваши мнения публикуем.

Женщина: Очень маленький вопрос Валерию Федорову. Вопрос касается лозунга, который вынесен в название конференции, который тронул меня с самого начала. Так всё-таки, что меняет мир? Социология или социальная инженерия?

Валерий Федоров: Да, честно говоря, всё меняет мир. И fake news меняют мир. И социологи, и управленцы, все меняют Вопрос, во-первых, в каком направлении, и, во-вторых, в какой степени. Вот я, начиная сегодня с печального кейса пенсионной реформы, хотел показать, что без социальных инженеров мир меняется сильно, но неправильно. А в случае, если социальные инженеры делают свою работу, то эти изменения они всё-таки более гармоничны. Более экологичны нашей планете и нашему социуму. Но пока этого очень мало и совершенно недостаточно, должно быть больше и тогда мы все будем более счастливы.

Андрей Адефинский: Большое спасибо. Меня зовут Адефинский Андрей. У меня диплом инженера, как и у первого дискусанта. Степень по экономике, а здесь я вообще оказался случайно. Вопрос для меня «меняет ли социология мир» он в действительности не стоит, поскольку она меняет этот мир. Выводы из теории, экономических теорий, становятся достоянием экономических агентов и меняют и их поведение. И то же самое в отношении остального комплекса социальных наук. Я хотел привести аллегорию, которую использовал итальянский экономист Александр Роттая. Он спрашивает «кто такой экономист и вообще социальный учёный? Это принц, это слуга или это гражданин». Принц, это когда таких людей как Гайдар и Чубайс приглашают в правительство и дальше они спасают страну. Или он слуга, как например министр Орешкин, которого дружески останавливает представитель власти, представитель государственной думы и говорит, где он там плохо себя вёл. Или, всё-таки, он гражданин, который высказывает свою позицию. Моё мнение, что в социальных науках, так или иначе, позиция она всегда фундирована какими-то ценностями. И как господин Федоров до этого сказал, есть специалисты, которые не готовы сотрудничать с коммунистами и фашистами, как они их называют, а есть специалисты, которые не готовы сотрудничать с либералами. По сути, социальный инженер может быть адвокат, или журналист, который переходит в функцию пиарщика. В общем, так или иначе, я согласен с главным тезисом, что социология меняет мир и от этого вообще никуда не деться.

Наталья Мадрова: Очень трудно быть модератором и не участвовать в дискуссии. Кошмар. Давайте тогда попробуем решить, стоит ли смешивать, в каких пропорциях и что в результате может получиться, Ларисе потом расскажем.

Игорь Задорин: У нас по сценарию, всё-таки это не совсем батл, несмотря на мой имидж, это всё-таки диспут, и мы договаривались так, что мы не будем конкурировать, в смысле кто победить, а попытаемся найти какой-то компромисс. В данном случае в моих суждениях была заявленная такая утрированная, сознательно утрированная позиция для того, чтобы мы, по крайней мере, увидели некоторые ограничения все вместе на то движение, которое будет. Понятно, что рынок заставляет смешивать, делать эти смузи. Соответственно управленец требует, гражданская позиция наша вопиет у каждого. Всё-таки хотелось бы, чтобы это пошло на изменение. Мы в Цирконе, в общем, нашли некоторые компромиссы, как мне кажется, когда мы можем сочетать позиции. Конечно же, мы тоже ориентированы на изменение благодаря нашим исследованиям. Но при этом мы ориентируемся на то, что само исследование может быть подано как некоторый импульс для социально инженерных разработок. В частности, когда мы провели исследования по территориям трезвости, это сельские поселения, которые приняли решение об ограничении распространения алкоголя и трезвом образе жизни. Это был инициативный проект, нам его никто не заказывал. Он был так выдуман, по одной получили грант, соответственно сделали. Но само его публичное представление, публикация и продвижение, дало импульс для очень большой движухи. В том числе в рамках той же самой Якутии, где были исследования, ещё в некоторых соответствующих управленческих органах. Мы не разрабатываем специальные решения по вот этим самым территориям трезвости. Мы не разрабатываем механизм. Но мы готовы участвовать, если на наш импульс откликаются управленцы и откликаются социальные инженеры, готовы участвовать соответствующим материалом, соответствующим исследованиям. И в этом смысле, гражданскую позицию свою, таким образом, реализуя. При этом подчеркиваю, что наша роль как исследователей, она остается именно как исследователей. Только в некотором смысле почти такой олдскульный позитивизм, не переходя в инженерную отрасль. Второй момент компромисса это вот то, что я ответил на вопрос Екатерины Артуровны. Ни в одном субъекте сочетать, а в консорциуме, в коллективе сочетание этих разных ролей. Подчеркиваю, что сочетание в одном субъекте для меня всё-таки это не допустимая вещь. Но в рамках некоторого технологического цикла, в рамках некоторого проекта, который изначально, например, может строиться таким образом, что начало исследования, но в конце социальные изменения. Его можно построить так, что в эту команду, которая пройдет весь цикл, изначально будут встроены и социологи, и социальные инженеры, и управленцы. Перспектива это именно в создании вот такого рода проектных команд длинного цикла. С одной стороны, Сергей Романович прав, что у нас действительно специализация. Но, с другой стороны, мы должны переходить от локальных проектов "сделал исследование и сдал", на длинные циклы, где исследователь в некотором смысле, осуществляет авторский надзор над социально инженерной разработкой. А социальный инженер осуществляет авторский надзор над внедрением социального изменения, правильно ли, собственно говоря, это инженерная разработка внедрена. Вот как архитектор, который разработал проект очень хорошего дома и отдал строителям. Он по идее, осуществляет авторский архитектурный надзор и по идее может не принять это строительство, если оно сделано с отступлением от этого проекта. И точно так же и у нас должно быть. Эта ответственность и эта жесткая позиция относительно того, хорошо, мы провели исследование, а кто-то начинает делать разработку социальную и не учитывает этого, этого, этого. Исследователь должен ему сказать: нет, нет, нет. Конечно, прогнозирование входит в исследовательский цикл, здесь нет никаких противоречий и конечно мы должны говорить о том, что, если то-то, то-то. Если такой фактор, то так-то. Анализ, диагноз, прогноз, как известно, три функции науки, никуда не деться. Компромисс заключается в том, что создание консорциума, создание длинных творческих коллективов, где вот эта гибридность, она

не в одном каком-то субъекте, а в некотором коллективе сочетается. И тогда я за то же самое смузи, человеческое. Всё, спасибо.

Валерий Федоров: Ну, я спорить не буду, за исключением одного пункта. Помнится анекдот такой был, что Господь Бог приказал всем зверям разойтись на умных и красивых. Все разошлись, а обезьяна стоит и не налево и не направо. Почему? Ну, если я говорит и то и другое, если я и умная и красивая, что мне на две части разделится. Есть такие люди, которые, на мой взгляд, могут совмещать вот эти две позиции. Вот такие они талантливые. Такие творческие, страстные, и в то же время хорошие исследователи. Не надо их запрещать, но это конечно редкость. Это либо от таланта, либо от бедности. Это первая реплика. Вторая реплика. С чего началась опросная социология, такая профессиональная, все мы помним. Она с Гелоп началась. Вы знаете, чем закончил Гелоп? Который много десятилетий был рыночным исследователем. Самым известным, но не самым успешным. Увы, к моменту его смерти, его компания была почти на стадии банкротства. Тем не менее, она существует и по сей день, спустя несколько десятилетий и она сейчас очень успешна. Я был у них в штаб-квартире, просто мечта. Всем бы нам такие офисы. И она до сих пор проводит опросы, кстати, всемирные опросы. Но зарабатывает она не на этом. Она проводит тренинги, она консультирует компании из первой полусотни мировых компаний самых крупных. Она организует детские сады для одаренных детей. Представляете, как далеко от исследования ушли люди. Но называется Гелоп, везде портреты Гелоп, везде заветы Гелоп и люди себя ощущают исследователями в первую очередь. Поэтому я думаю, что модели единой нет, могут быть и проектные команды, временные, о которых говорил Игорь Вениаминович, конечно, могут, и есть, и хорошо, что они есть. Могут быть исследования inhouse, значит, когда мы работаем на стороне клиента. Многие знают, что самые яркие выступления они не от представителей из собственных исследовательских компаний, а от исследователей, которые работают на стороне клиента. Например, в каком-нибудь доме по производству шампанского. Прекрасные исследователи работают. Или на стороне представителей изготовителей парфюмерии, замечательные исследователи. Такой вариант тоже есть и должен быть. Есть индивидуалы, есть яркие звезды, и которым компания не нужна, которые на сторону клиентов корпоративное рабство никогда не пойдет. Но он востребован и его приглашают и нужно ему, он набирает себе временную команду или нет. И, наконец, четвёртое. Такой вот симбиоз, значит, консалтинговые компании осуществляют исследования. Это вот наши друзья и соперники зачастую, их, собственно говоря, привлекают на консалтинг, но они вынуждены либо нам заказывать исследование, либо уже к себе в штат вводят исследователей. Поэтому вот как минимум 4 модели, и во всех есть ниша для социальных инженеров. И, нормально, что всё это будет развиваться параллельно. Самое главное, чтобы мы с вами там были. Что бы наше социологическое сообщество не отталкивало, не унижало тех, кто хочет заниматься социальной инженерией. А поддерживало их. И словом и делом. И уж точно не отказывало им в праве при необходимости называться и социологами. Вот так.

Наталья Мандрова: Спасибо большое, давайте поблагодарим наших полемистов. Мне было очень интересно, но у нас есть телеграмм, который называется Research Week, и я там уже задам свой последний вопрос, всё-таки считают ли они социальных инженеров и клиентов по одну сторону. Ответ давайте читайте там. Можно попросить наших редакторов встать, обозначится. Если вы хотите высказаться, пожалуйста, подойдите к редакторам, они запишут ваше высказывание и опубликуют в каналах Research Week. Спасибо большое.